

Юлия Гусева

***Отечественное и зарубежное исламоведение 1980-х гг.
и советско-афганская война***

Julia Guseva (Samara branch of Moscow City University, Russia)

Soviet and foreign Islamology of the 1980s and the Soviet-Afghan War

DOI: 10.31857/S086956870007391-1

В эпоху советско-афганского противостояния исламская тема оказалась разменной монетой в геополитических играх, средством ведения информационной войны двух сверхдержав. Как справедливо указывает В.С. Христофоров, одной из причин появления советских войск в Афганистане российская историография называет угрозу безопасности среднеазиатских республик, связанную с ростом фундаменталистских настроений не только в Иране и Афганистане, но и внутри Советского Союза, в его «мусульманских» регионах. Данная идея, по существу оправдывавшая советскую политику, звучала в начале 1980-х гг. в трудах некоторых зарубежных советологов, предлагавших рассматривать «советских» мусульман в качестве «пятой колонны», готовой низвергнуть правящий строй. Имела ли она под собой основания и как повлияла на восприятие ислама руководством СССР, на ход афганских событий? Подобные вопросы в литературе, как правило, не освещаются.

Основная цель моей статьи — уяснить потенциальные возможности влияния советского и зарубежного исламоведения на оценку ситуации в «мусульманских» регионах Советского Союза и в Афганистане в период войны 1979—1989 гг. Для этого я последовательно проанализирую, как выглядела «исламская» повестка в планах США и СССР, обозначу основные сюжеты и идеи зарубежной исламологии-советологии и их связь с темами советского исламоведения.

Современная российская и европейская историография предлагает «свежие» оценки советского востоковедения и ориентализма как комплекса научно-практических усилий, направленных на поддержку политики СССР в исламских странах и в отношении собственных «мусульманских» ареалов¹. На предложенные в этих работах идеи можно опираться в рассуждениях о возможностях влияния исламоведения на ситуацию внутри СССР и в Афганистане. Кроме того, мной привлечены зарубежные — американские и европейские — исследования, увидевшие свет в 1979—1989 гг.

В фонде ДСП («Для служебного пользования»)² Российской государственной библиотеки сохранился массив опубликованных, но малоизученных ма-

¹ См., например: *Kemper M. Russian Orientalism in Oxford Research Encyclopedia* (URL: <https://oxfordre.com/asianhistory/view/10.1093/acrefore/9780190277727.001.0001/acrefore-9780190277727-e-297>).

² «Для служебного пользования», с точки зрения советского права, — разновидность служебной тайны, включавшая в себя два подвида информации: сведения, которые ограничивались из объективных соображений обеспечения интересов государства, и сведения, которые могли негативно повлиять на общественные умонастроения, показать управленческую элиту в невыгодном свете (*Камалова Г.Г. Исторические особенности правовой охраны информации ограниченного доступа (служебной тайны) в советский период // Вестник Удмуртского университета. Экономика и*

териалов³ исламоведческого характера, который позволяет отследить, какие идеи, темы и направления исследований выводились за пределы научного и общественного обсуждения и не стали достоянием гласности. Под грифом «ДСП», например, вышли материалы координационного совещания, посвящённого роли ислама в современных политических реалиях, состоявшегося в марте 1980 г. в Ташкенте⁴. Они дают достаточно полное представление о структурах, отвечавших за различные направления востоковедческой работы, об академических и практических задачах, намеченных к реализации в рамках так называемого аванплана, который разработал Институт востоковедения АН СССР. План должен был координировать исследовательскую работу в масштабах всей страны.

Среди подобных изданий выделяются информационные бюллетени по проблемам ислама, издававшиеся с 1985 г. Межреспубликанским филиалом Института научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС в Ташкенте. Тираж каждого бюллетеня составлял 2 тыс. экз., каждый из которых имел гриф «ДСП», индивидуальный номер и рассылался в ЦК партийных органов союзных и автономных республик и краёв «традиционного распространения ислама» (Узбекистан, Казахстан, Киргизия, Туркмения, Таджикистан, Азербайджан)⁵. Целью публикации было «систематическое информирование идеологического актива о тенденциях в деятельности мусульманских организаций в СССР и за рубежом, обобщения опыта и оказания методической помощи партийным комитетам и организации атеистической работы»⁶. В бюллетенях рассматривались вопросы из области антропологии и социологии «советского» ислама, публиковались историографические обзоры, методические наработки в области атеистического воспитания.

Для общего понимания политико-идеологических установок сторон использованы официальные документы, опубликованные на сайте американского Архива Национальной безопасности (раздел «Афганистан. 1979—1989»)⁷.

Ислам в стратегии США: «крестовый джихад»? Исламские страны предсказуемо восприняли вторжение Советского Союза в Афганистан как попытку сокрушения традиции, замены исламских норм новой светской идеологией, неприязненно относящейся к любым формам религиозной жизни. Однако исламский мир уже много столетий не прибегал к организованному джихаду против христианского мира. Современные политологи единодушны: решающую роль в возрождении джихада как инструмента мобилизации усилий исламских

право. 2014. № 2. С. 142—148). Таким образом, материалы с грифом «ДСП» представляли собой несекретные данные, публичное распространение которых было признано нецелесообразным.

³ Работы, как правило, представляют собой брошюры, изданные небольшим тиражом (около 200—500, редко 1 тыс. экз.). Имеют оттиск на обложке с индивидуальным номером и гриф «ДСП».

⁴ Ислам и его роль в современной идейно-политической борьбе развивающихся стран Азии и Африки: материалы. М.; Ташкент, 1980 (тираж 500 экз.). Ответственным редактором сборника стал директор Института востоковедения АН СССР Е.М. Примаков, что демонстрирует особо высокий уровень внимания политической и научной элиты к проблематике.

⁵ Заявленная периодичность выхода (два раза в год) практически не выполнялась: бюллетень выходил ежегодно (Информационный бюллетень. № 1. Ташкент, 1985. С. 3).

⁶ При работе с бюллетенем необходимо было следовать инструкции по работе с материалами категории «ДСП» (Там же. С. 3—5).

⁷ URL: https://nsarchive2.gwu.edu/rus/text_files/Afganistan

стран сыграли позиция США и деятельность ЦРУ. Последнее рассматривало политический ислам как альтернативу секулярному национализму⁸.

Именно ЦРУ принадлежала инициатива борьбы с «Империей зла» путём расширения влияния афганской оппозиции на территории республик Средней Азии, а также путём мобилизации радикально настроенных мусульман всего мира и подготовки их в пакистанских лагерях. Был объявлен новый «Крестовый поход», но не джихад, как об этом настойчиво говорила афганская оппозиция и её союзники в мусульманских странах. Основная задача американской стороны в отношении «новобранцев» состояла в том, чтобы не просто снабдить их оружием и натренировать, а вооружить знаниями, сформировав идейно подкованных «исламских повстанцев»⁹.

Анализируя историографическую традицию «исламской» советологии, отмечу, что европейский и американский подходы заключались, прежде всего, в допущении формирования союза ислама и Запада в борьбе против коммунизма. Данная установка была сформулирована задолго до советско-афганского противостояния — к примеру, британские разведчики выдвинули её ещё в конце 1910-х гг.¹⁰ Для этого задействовались хорошо известные европейским и российско-советским историкам и спецслужбам идеи пантюркизма (политическое объединение стран тюркоговорящего мира) и панисламизма (союз мусульманских держав), а в политике времен Российской империи изыскивалась историческая аргументация в пользу идеи дискриминации мусульман СССР¹¹.

Зарубежные аналитики делали акцент на изучении реалий жизни в Средней Азии, связей СССР и советских мусульман с другими странами исламского мира¹², старательно препарировали опыт ведения партизанских военных действий на советских «мусульманских» территориях, находя перекличку с афганскими событиями¹³. «“Мусульманские” военнослужащие — ахиллесова пята Советских Вооружённых сил»¹⁴ — типичное название их публикаций, которые явно или подспудно несли мысль о реально существующей внутренней «исламской угрозе» Советскому государству. Наиболее известным выразителем данного тезиса стал французский исламовед А. Беннигсен, выдвинувший идею

⁸ Дополнительно активизировали этот фактор Иранская революция 1979 г. и агрессивная антисоветская китайская пропаганда в духе «Китай — друг ислама и исламского мира».

⁹ По разным оценкам, число переселенцев-радикалов с 1982 по 1992 г. составило около 35 тыс. человек из 40 стран (*Mamdani M. Good Muslim, bad Muslim: political perspective on culture and terrorism // American Anthropologist. Vol. 104. 2002. № 3. P. 770*).

¹⁰ *Ferris J. «The internationalism of Islam»: the British perception of a Muslim menace, 1840—1951 // Intelligence and national security. Vol. 24. 2009. Issue 1. P. 57—77; Macfie A. British Intelligence and the Turkish national movement, 1919—22 // Middle Eastern Studies. Vol. 37. 2001. Issue 1. P. 1—16; Mathew J. Specters of Pan-Islam: methodological Nationalism and British imperial policy after the First World war // The Journal of Imperial and Commonwealth history. Vol. 45. 2017. Issue 6. P. 942—968.*

¹¹ См., например: *Montgomery D.C. Return to Tashkent // Asian Affairs. Vol. 10. 1979. Pt. 3. P. 292—303; Rywkin M. Moscow's Muslim challenge: Soviet Central Asia. N.Y.; L., 1982; и др.*

¹² *Bennigsen A. Soviet Muslims and the Muslim world // Soviet nationalities in strategic perspective. L.; Sydney, 1985. P. 207—226; Lemerrier-Quelquejey Ch. The USSR and the Middle East // Central Asian survey. Vol. 1. 1982. № 1. P. 43—51; The USSR and the Muslim world. L., 1984.*

¹³ *Lemerrier-Quelquejey Ch., Bennigsen A. Soviet experience of Muslim guerilla warfare and the war in Afghanistan // The USSR and the Muslim world. L., 1984. P. 206—214; Liddle T. Islam, Afghanistan and Russia // Freethinker. Vol. 101. 1981. № 8. P. 135.*

¹⁴ *Moslem troops: The Red Army's Achilles heel // Business week (N.Y.), 1981. March 9. P. 34.*

существования в СССР фундаменталистски настроенного «параллельного ислама», имманентно противостоящего режиму¹⁵.

Часть авторов доказывала, что подъём исламского фундаментализма в Иране и Афганистане представляет угрозу для внутренней безопасности многоэтничного СССР и может привести к «пробуждению» «молчаливой» религиозной идентичности советских мусульман¹⁶. Были, конечно, и другие мнения. Так, М.Б. Олкотт полемизировала с Беннигсеном, подчёркивая, что исламское самощущение — лишь одна из идентичностей, вписанной в светскую идентичность народов, исповедующих ислам¹⁷. Впрочем, и сам Беннигсен признавал, что доступные источники о политической жизни Средней Азии и Кавказа, кроме советских официальных, ограничены и односторонни, а местный самиздат — за исключением материалов о жизни крымских татар и турок-месхетинцев — редко попадал на Запад¹⁸. Таким образом, советологи на весьма скользких основаниях сформулировали ласкавшую слух политиков идею о росте фундаментализма среди советских мусульман, готовых стать «пятой колонной». Тем не менее вызов советскому политическому истеблишменту и академическому исламоведению был брошен. Чем они могли ответить?

«Исламская угроза» глазами советской политической элиты. Базовой установкой кремлёвских идеологов стала идея поддержки «железного занавеса», защиты «своих» мусульманских территорий от идеологического «загрязнения» и поиск союзников среди афганского духовенства. В закрытых документах ЦК КПСС это формулировалось так: «Активно препятствовать линии Вашингтона на сколачивание единого фронта Запада и некоторых мусульманских стран, на переориентацию исламского фанатизма в антисоветское русло»; «разработка долгосрочного плана сотрудничества с мусульманским духовенством, предусматривающего привлечение к сотрудничеству с властями умеренных мусульманских авторитетов, изоляция представителей реакционных кругов»¹⁹.

Становится понятно, почему практическая деятельность советской стороны отличалась двойственностью: новый виток антиисламской работы (научных исследований и пропаганды) сопровождался использованием религиозной составляющей в пропагандистских усилиях²⁰. В связи с последней установкой развивались контакты с умеренным афганским духовенством: СССР стал демонстрировать заинтересованность в привлечении мусульманской элиты к

¹⁵ Bennigsen A., Broxup M. The Islamic threat to the Soviet State. L.; Canberra, 1983. Следует отметить, что современное российское и зарубежное исламоведение давно признало ошибочность такого рода выводов (см., например, попытку отхода от дихотомии «плохие»/«хорошие» мусульмане в публикации: Бабаджанов Б., Саптору П. У истоков советского дискурса о «хорошем исламе» в Центральной Азии // Ab Imperio. 2018. № 3. P. 219—255).

¹⁶ Bennigsen A. Soviet Muslims and the world of Islam // Problems of Communism. XXIX (March—April 1980). P. 38—51; Valenta J. The Soviet Invasion of Afghanistan // Orbis. XXIV (Summer 1980). P. 201—218; и др.

¹⁷ Olcott M.B. Soviet Islam and world revolution // World Politics. Vol. 34. 1982. Issue 4. P. 493.

¹⁸ Bennigsen A. Soviet Islam since the invasion of Afghanistan // Central Asian Survey. Vol. 1. 1982. Issue 1. P. 65—78.

¹⁹ «О дальнейших мероприятиях по обеспечению государственных интересов СССР в связи с событиями в Афганистане». Выписка из протокола № 181 заседания Политбюро ЦК КПСС от 28 января 1980 г. // Архив Национальной безопасности. Афганистан. 1979—1989 (URL: https://nsarchive2.gwu.edu/rus/text_files/Afganistan/January%2028,%201980.pdf).

²⁰ Для ведения пропагандистской работы среди населения Афганистана в составе 40-й армии были созданы боевые агитационно-пропагандистские отряды (Христофоров В.С. Афганистан. Военно-политическое присутствие СССР. 1979—1989 гг. М., 2016. С. 280).

просоветской пропагандистской работе внутри страны и за рубежом. Задействовались все возможные каналы «мусульманской» дипломатии, особенно по шиитской линии, в наиболее близком Ирану регионе — Азербайджане²¹.

В части антирелигиозной пропаганды начался резкий рост количества книг, посвящённых исламской теме: если в 1976 г. они составляли 11,3% от общего массива антирелигиозной литературы, то в 1982 г. достигли уже 22,6%²². Причём названия изданий — «Воинствующий ислам», «Проблемы преодоления религиозного экстремизма», «Организация упреждающих контрпропагандистских мер по противодействию враждебной пропаганде» — отсылали к стилистике 1930-х гг., времени разгула борьбы с «религиозными пережитками». Поэтому не стоит удивляться появлению в материалах ЦК термина «исламский фанатизм» — в любых неподконтрольных формах культурной, общественно-политической активности мусульман с начала XX в. властям виделась угроза²³.

Советское исламоведение принимает вызов. Как отмечают специалисты, в раннесоветское время (1920—1930-е гг.) шло сокращение собственно научных функций востоковедения в пользу популяризации советской модели развития среди стран Востока, усиления пропагандистской роли научного знания²⁴. Предполагалось, что советский Восток (Поволжье, Кавказ, Крым, Казахстан, Средняя Азия, Сибирь) «даёт пример того, как угнетённые народы бывших колоний царизма в союзе с революционным пролетариатом России, сбросив колониальное рабство, идут к социализму, минуя ступени капиталистического развития»²⁵. У большевиков изначально не было теоретического понимания «исламского вопроса», а дискуссии о происхождении и истории ислама, развернувшиеся в академической среде в 1920-х гг., не носили сугубо научного характера. Их главной целью становилось выяснение: могут ли мусульмане и исламские страны пойти по пути социалистической трансформации или из-за культурной отсталости для них понадобятся специфические стратегии. Справедливо замечание специалиста: «Фактически мы говорим об “анти-исламских” исламских исследованиях, с возрастающим градусом агрессии от автора к автору, от года к году»²⁶. При этом внутрироссийский ислам для советских учёных был *de facto* закрытой темой, рассредоточенной между различными научными центрами (восточными «окраинами» занимались НИИ и Академии наук

²¹ Турдалиев К. Шиизм и шиитское духовенство в современном Ираке (1958—1978). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1981.

²² Bennigsen A. Soviet Islam since the invasion of Afghanistan. P. 65.

²³ Подробнее см.: Сенюткина О.Н. Тюркизм как историческое явление (на материалах истории Российской империи 1905—1916 гг.). Н. Новгород, 2007; Сенюткина О.Н., Гусева Ю.Н. Дискурс о российских мусульманах в материалах Особых совещаний 1905—1914 гг. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. № 4. С. 231—254.

²⁴ Подробнее см., например: Bobrovnikov V.O. The Contribution of Oriental scholarship to the Soviet anti-Islamic discourse: from the Militant Godless to the Knowledge Society // The Heritage of Soviet Oriental Studies / Ed. by M. Kemper and S. Conermann. L.; N.Y., 2011. P. 66—85; Kemper M. The Soviet discourse on the origin and class character of Islam, 1923—1933 // Die Welt des Islams. Vol. 49. 2009. S. 1—48; Kemper M. Russian Orientalism // Oxford Research Encyclopedia (URL: <https://oxfordre.com/asianhistory/view/10.1093/acrefore/9780190277727.001.0001/acrefore-9780190277727-e-297>).

²⁵ Кирчанов М.В. Воображая и (де)конструируя Восток. Идентичность, лояльность и протест в политических модернизациях и трансформациях. Воронеж, 2008. С. 56, 57.

²⁶ Kemper M. The Soviet discourse... P. 2, 3.

союзных республик, древность и средневековые изучались в Ленинграде, а политическая и экономическая ситуация в странах Азии и Африки — в Москве)²⁷.

По мнению современных специалистов, подчиняя себя интересам тоталитарного государства, советское исламоведение на деле лишилось своего лица, стало ультимативной формой ориентализма. Из-за этого в постколониальный период Советский Союз упустил возникновение политического ислама как явления мирового масштаба. Как следствие — события подобные исламской революции в Иране 1979 г., и массовое противодействие афганских мусульман советскому вторжению стали для него сюрпризом²⁸.

В таком состоянии советское исламоведение встретило новую политическую реальность. Если проследить тематику советских исследований ислама в рассматриваемый период, то окажется, что она отзеркаливала темы зарубежных исламологов — «буржуазных фальсификаторов»²⁹. Это позволяет сделать вывод о её вторичном, ответном характере и происхождении. Темы и формулировки становились простым ответом зарубежным оппонентам. Впрочем, были и плюсы — так, в научных исследованиях появилась ранее табуированная тема басмачества, которая подавалась через призму англо-американской идейно-финансовой подпитки и установку: «мы вас били раньше — победим и сейчас»³⁰.

В рассматриваемых работах активизировавшийся на восточных рубежах Союза «воинствующий ислам» противопоставлялся «нашему» исламу, в общих чертах не противоречившему образу жизни советского человека. Несмотря на сохранявшиеся «несистемные» явления, он представлялся образцом развития стран мусульманской культуры, к которому они, по мысли советских идеологов, должны были стремиться в противовес западным ценностям. Однако основной вопрос состоял в следующем: какой он — этот «наш», «советский» ислам?

При изучении содержания информационных бюллетеней обращают на себя внимание не только идеологизация, которая не ослабла и в конце 1980-х гг., но и весьма ограниченное количество информации о мусульманских регионах страны. Антропологический, социологический анализ жизни верующих

²⁷ Бобровников В.О. *Soveticum vs Islamicum: некоторые итоги и перспективы изучения ислама в России* // Вестник Евразии. 2007. № 3. С. 8—21; Kemper M. *Russian Orientalism*.

²⁸ Kemper M. *The Soviet discourse...* P. 48.

²⁹ Яндиева З.А. Проблемы идеологической изоляции реакционной части мусульманского духовенства в Чечено-Ингушетии // Информационный бюллетень. № 1. Ташкент, 1985 С. 24—35; Усманов М. О сущности «исламского фактора» // Там же. № 2. Ташкент, 1986. С. 87—98; Иноятов К. Басмачество: правда и вымысел (Организация упреждающих контрпропагандистских мер по противодействию враждебной пропаганде) // Там же. № 3. Ташкент, 1987. С. 87—103; Справки об организациях «Исламская конференция», «Братья-мусульмане» // Там же. № 4. Ташкент, 1987; Мирова С. Преодоление шариатско-адатских традиций в семейно-бытовых отношениях (по материалам Узбекской ССР) // Там же. № 5. Ташкент, 1988. С. 52—60; Кучкаров А.К., Турдалиев К., Таилов Т.Т. О результатах социологического исследования отношения населения Ферганской области Узбекской ССР к трагическим событиям мая—июня 1989 г. // Там же. № 6. Ташкент, 1990. С. 64—70; Таиров С.Т. О некоторых концепциях исламского фундаментализма в республиках Средней Азии // Там же. С. 42—52; Ислам и его роль в современной идейно-политической борьбе развивающихся стран Азии и Африки. Материалы координационного совещания. Ташкент, март 1980 г. / Отв. ред. Е.М. Примаков. М.; Ташкент, 1980; Проблемы преодоления религиозного экстремизма. М., 1982; Актуальные проблемы современного ислама. Баку, 1988; «Воинствующий ислам» и меры противодействия его влиянию / Ред. Р.Г. Яновский. М., 1988.

³⁰ Bennigsen A. *Soviet Islam since the invasion of Afghanistan*. P. 69.

оставлял желать лучшего. Характерно замечание одного из авторов сборника «Воинствующий ислам и меры противодействия его влиянию». Рассуждая о сохранении в Узбекистане нелегальных мечетей и имамов, системы приходов-махалля, он указывал: «К сожалению, это — реальная действительность, и как бы активно её ни пытались отрицать, она своего существа не меняет»³¹. Голоса самих мусульман были плохо слышны сторонним наблюдателям: «железный занавес» закрывал реальную картину не только от зарубежных советологов, но и от узкого слоя собственных специалистов.

Попыткой преодоления кризиса советского исламоведения, примером объединения усилий практиков (представителей власти) и учёных, привлечения специалистов смежных дисциплин стало координационное совещание, проведённое в марте 1980 г. в Ташкенте. Многие докладчики с сожалением отмечали «запущенность» темы в академическом и практическом плане, проистекавшую из «многочисленных причин», ведущей среди которых назывался кадровый голод. «Со времени Е.А. Беляева³² в востоковедных вузах курс исламоведения не читается», — отметил докладчик М.В. Малоковский (кстати, единственный из авторов сборника, у которого не указано место работы, что наводит на размышления)³³. Кадровый голод являлся и последствием отсутствия интереса и системной экспертной оценки, особенно в отношении «советских» мусульман.

Для рассуждений многих участников был характерен призыв к максимальному сближению результатов кабинетной работы с практикой³⁴. Это напоминало практическую ориентацию западной советологии, исследования которой обычно соотносились с решением определённой общественно-политической, геостратегической задачи. Ещё одной методологической новацией можно назвать междисциплинарность (привлечение специалистов смежных дисциплин).

Публикации ДСП демонстрируют заинтересованность сторон (власти и экспертного сообщества) в решении академических и прикладных задач. Пути их достижения представлялись сходными, существовал определённый задел в фундаментальных вопросах, идущий от традиций имперского востоковедения и вышедших из его «шинели» работ советских востоковедов. Однако методический инструментарий сбора и анализа данных современной религиозности, наблюдений за жизнью населения мусульманских культурных ареалов оказался провальным. Не увязывалась с новыми задачами, вставшими перед отечественным востоковедением, и общая мировоззренческая среда: унифицированная, выросшая в образах войны и для войны, в которую должны «вписаться» новые исследования.

Советское исламоведение, оказавшееся в роли догоняющего, находилось в сложном положении. Исследования не поддерживали знания на уровне, необходимом для принятия политических решений. Политики не слушали экспертов — напротив, учёные пытались угадать, что власть хочет услышать от них³⁵.

³¹ Азимова Н.Х. К вопросу о роли махалля в современной жизни сельского населения Андижанской области // «Воинствующий ислам» и меры противодействия его влиянию. С. 154.

³² Евгений Александрович Беляев (1895—1964), востоковед-арабист, исламовед, педагог высшей школы. В 1945—1955 гг. заведовал кафедрой истории стран Ближнего и Среднего Востока в Московском институте востоковедения.

³³ Малоковский М.В. Некоторые актуальные задачи исламоведения в СССР // Ислам и его роль в современной идейно-политической борьбе... С. 437.

³⁴ Ислам и его роль в современной идейно-политической борьбе... С. 443.

³⁵ Kemper M. The Soviet discourse... P. 48.

Образно говоря, слегка потускневшую, но не потерявшую привлекательности картину духовной жизни «своих» мусульманских народов и соседних исламских стран советские учёные, а за ними и политики, освещали восковой свечой, тогда как требовался мощный прожектор. В этом обречённом бессилии можно обвинить советский востоковедческий мир — если скрыть, что причиной являлась слишком тесная связь академических исследований с марксистской идеологией, государственными политическими целями и задачами.

Современные попытки российских историков реанимировать объяснения причин ввода советских войск в Афганистан возвращают нас к концепциям эпохи холодной войны, заставляют обратиться к идеям зарубежных советологов, пестовавших идею «внутренней исламской угрозы». При этом очевидных доказательств роста фундаментализма внутри СССР и нелояльности «советских» мусульман ими не приводилось. Советские востоковеды, в свою очередь, не могли доказать обратное.

Необходимо осознать, что именно отсутствие объективного и всестороннего экспертного анализа «исламского фактора» стало одной из важных причин провала афганской кампании.